

Женщина и мужчина. Отношения сквозь века

Женщина и мужчина. Отношения сквозь века

Владимир Легойда

Недавно мне пришлось разговаривать со своей бывшей студенткой, которую я не видел несколько лет. Рассказывая о своем житье-бытье, она вдруг произнесла: "Два года просидела с ребенком, на работу не выходила. Так стыдно! Надо срочно чем-то заняться!" Эти слова довольно точно передают царящие в современном мире умонастроения. Умонастроения новые, ставящие многие вещи с ног на голову. Материнство больше не воспринимается в качестве основного предназначения женщины, стремление современных девушек добиться успеха в политике, бизнесе, науке нередко подчиняет себе все остальные стремления. Подобные изменения не могут не затронуть и мужчин, и семью, и общество в целом.

Проще всего занять крайние позиции: попытаться отмахнуться от современных изменений, призывая вернуться к идеалу "Домостроя", либо, напротив, не раздумывая и не сомневаясь, отдаться "ветру перемен", не пытаясь разобраться, откуда он дует и куда вынесет. А разобраться, наверное, все же стоит. Хотя бы потому, что в конечном итоге цена всех подобных перемен - это разрушенные или, наоборот, налаженные человеческие взаимоотношения. И здесь, чтобы лучше понять настоящее и оценить будущее, стоит заглянуть в прошлое. Действительно, прежде, чем окончательно решать, что плохо, а что хорошо, а также определиться с тем, кто виноват и что делать, давайте попробуем разобраться в том, как было и как все менялось. Конечно, разрешить в одной статье проблему "мужчина - женщина" - все равно, что объять необъятное. Поэтому автор не претендует на какое-то окончательное решение вопроса, а просто предлагает читателю свои размышления, основанные на изучении различных религий и культур.

А БЫЛ ЛИ МАТРИАРХАТ-ТО?

Большинство известных нам древних культур - культуры патриархальные, т.е. такие, в которых мужчина занимал господствующее положение в семье, роде, государстве.

Что же касается матриархата - общественного устройства, в котором главенствующее положение занимает женщина, - то на сегодняшний день представления о существовавшем когда-то "царстве женщин" многие ученые считают явным анахронизмом.

По мнению других специалистов, существование в давние времена матриархата подтверждается некоторыми мифологическими сказаниями. Прежде всего речь идет о встречающемся во многих древних культурах почитании женского божества - великой богини-матери, какой была, например, древнеегипетская Исида, или "женской триады" (праматерь - женщина - дочь), которая встречается в греческой мифологии (Рея, Деметра и Персефона).

Согласно мнению современного православного богослова диакона Андрея Кураева, свидетельство о первоначальном "матриархальном" характере отношений между полами встречается даже в ... Библии! Именно так, считает отец Андрей, следует интерпретировать знакомую всем фразу из второй главы ветхозаветной книги Бытия: Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; будут два одна плоть (Быт. 2: 24). В словах о том, что именно мужчина оставляет семью и приходит в дом к женщине - а не наоборот, как было в большинстве последующих культур, - православный богослов видит указание на матриархальный порядок устройства общества. ["И оставит человек отца и мать..." Тайна пола

в православной традиции. Интервью с диаконом Андреем Кураевым //Фома, № 7.]

Трудно сказать, насколько правомочно подобное обобщение этого текста, однако вполне очевидно, что библейский рассказ о сотворении человека не дает никаких оснований для устоявшихся на бытовом уровне представлений об изначально бесправном положении женщины. Некоторые мужчины любят шутить, что женщина сотворена из ребра - единственной кости, в которой нет мозга. Однако шутка эта вряд ли отличается особым остроумием. Остроумие - это ведь острота ума, а умному, образованному человеку пристало бы знать, что древнееврейское слово "цела", которое в русской Библии переведено как "ребро", означает не только "ребро", но и "часть", "грань". В данном конкретном случае - эмоционально-чувственную грань, более тонкую душевную организацию, которая отличает прежде всего женщину. Поэтому с помощью данного примера можно доказывать не столько превосходство мужчины, сколько обратное. Даже факт создания женщины вызван тем, что само по себе существование первого человека не является еще законченностью творения; нет пока полной гармонии: Не хорошо быть человеку одному (Быт. 2:18).

Во многих толкованиях на книгу Бытия справедливо говорится о том, что искушитель обращается сначала к Еве, потому что, скорее всего, она быстрее была способна поддасться соблазну. Такая точка зрения вполне оправдана, при этом она не исключает и некоторых нюансов ситуации. Так, например, христианский мыслитель XX века Павел Евдокимов видит в факте творения женщины указание на метафизическое значение женской природы, которое, по Евдокимову, заключается в том, что "в религиозной сфере именно женщина есть сильный пол". [Евдокимов П. Женщина и спасение мира. Минск, 1999. С. 152.] Действительно, если женщина во всем слабее мужчины, вряд ли потом она сможет искушить Адама. Так слабость в конечном итоге может обернуться силой. Сатана через змия обращается к Еве потому, что ее легче уговорить, но еще и потому, что она способна убедить мужа также вкушать плод. (Это как в драке: сначала нужно ударить самого физически сильного противника. При этом по другим параметрам он может быть слабее других: глупее, наивнее и т.д.) Женщина, более склонная к соблазну, более, быть может, незащищенная перед соблазном, оказывается сильнее эмоционально, способна ввергнуть в соблазн и мужчину.

Потом с первыми людьми, согласно библейскому повествованию, происходит трагедия. Не поверив Богу, Адам и жена совершили поступок, искаживший их первоначальную, естественную природу: стали смертными и попали в глубокую, непреодолимую зависимость от греха. Результатом грехопадения стал не только разрыв человека с Богом, но и изменение во взаимоотношениях мужчины и женщины. Эмоционально-чувственная женщина первой поддалась на призыв соблазнителя и, искушившись, повлекла за собой и мужчину. Равновесие было нарушено, мужчина получил над женщиной власть, которая, вполне вероятно, ранее ему не принадлежала. По мнению диакона Андрей Кураева, окончательное верховенство мужа над женой появляется только после грехопадения, о чем свидетельствует факт наречения имени жене - Ева. Православный богослов справедливо замечает, что наречение имени есть властный акт, дающий имя должен иметь на это право. Поэтому неслучайно наречение имени происходит после грехопадения. [Кураев А., диакон. Мужчина и женщина в книге Бытия //Альфа и Омега. 1996, № 2/3. С. 295] По существовавшему в древних культурах обычаю, нарекаящий имя, во-первых, уже обладает властью, а во-вторых, становясь тем, кто дает имя, получает дополнительную власть. Так сбывается Божье повеление: И к мужу твоему влечение твое и он будет господствовать над тобою (Быт. 3:10)

И все же однозначно и жестко на "вопрос власти" ответить не так просто, ведь женщина изначально сотворена как помощник мужчине (И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт 2:18)), поэтому уже здесь можно предположить определенную власть мужа над женой. Этот же мотив звучит и в словах Адама:

Она будет называться женою, ибо взята от мужа своего (Быт. 2:23) - на древнееврейском "иш" и "иша". Кстати сказать, некоторые толкователи усматривают в "иша" первое имя (название) Евы, которое дает жене Адам. В любом случае, нельзя не согласиться с мнением Кураева, что в библейском описании творения женщины нет оснований для традиционного в мифологическом мышлении полярного противопоставления мужского женскому. А святитель Иоанн Златоуст в Беседах на Книгу Бытия подчеркивает, что жена была "равна по достоинству" мужу. [Св. Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия //Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений в 12-ти тт. Т.4. Кн.1. М., 1994. С. 129.]

Итак, нормальные, идеальные, гармонические отношения, которые существовали между мужчиной и женщиной до грехопадения, расстроились. Причиной грехопадения и последовавшего за ним изменения отношений первых людей друг к другу стали ... зависть и нелюбовь! Человеческое счастье в Эдеме "возбудило ненависть того, кто сделался неспособен любить и для кого ненависть составляет теперь существенную особенность его характера и служит началом всей его деятельности - ненависть сатаны". [Кустодиев К.Л., протоиерей. Женщина в Ветхом Завете //Альфа и Омега, 1999, № 4. С. 16-17.] Грехопадением зло проникло в гармоничную дотоле жизнь человека. И если после творения женщины Адам радостно восклицает: Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей (Быт. 2:23), то после грехопадения в ответ на вопрошание Бога, не ел ли он плодов с дерева, первый мужчина лукаво отвечает: Жена, которую Ты мне дал, она дала мне плодов от дерева, и я ел (Быт. 3:12), малодушно сваливая всю вину за происшедшее на Бога и на женщину. С тех пор и бьются в семейных отношениях две силы: добрая, соединяющая, и злая, разъединяющая. ["Если в греческом языке symbolon (символ) означает "то, что соединяет, перебрасывает мост, объединяет", то слово diabolos (дьявол), того же самого корня, означает "то, что разделяет, разъединяет и разлагает". (Евдокимов П. Женщина и спасение мира. С. 140).] Таким образом, в мире падшем, противоестественном (так как естественным для человека был мир до грехопадения, отношения до вкушения плода с древа) брак есть некий прообраз и предвосхищение нормальных, естественных взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Прообраз, так как отношения в падшем мире облакаются в преходящую, временную форму и будут преодолены. По словам Христа, в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах (Мф. 22:30). Эти слова, конечно, ни в коем случае не умаляют ценности брака, а лишь указывают на качественное преобразование человеческой сущности в воскресении. Суть этого преобразования таинственная: Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его (1 Кор. 2:9) [Брачные узы не есть узы временные; временной является их форма, глубинная же сущность брака таинственна, так как брак есть тайна предвосхищения спасения и обетование спасения.]

Соответственно, уничтожение брачных отношений - Что Бог сочетал, человек да не разлучает (Мф. 19:6) - есть, напротив, противоестественный, разрушающий норму поступок. И это не просто слова из старой умной книжки, а самая настоящая реальность: любое прекращение брачных отношений, развод, есть разрыв живой ткани бытия, болезненное уничтожение той "плоти единой", которой стали мужчина и женщина в браке...

Итак, библейский рассказ говорит нам об изменившихся взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. В новом типе отношений женщина занимает положение подчиненное. Для тех, кто любит обвинять христианство в том, что сформированная им культура исходит их нормативного бесправия женщины замечу, что, по Библии, новое состояние жены не есть христианская модель взаимоотношений между полами. Напротив, все это стало возможным после грехопадения и из-за него. И эта модель должна быть преодолена, как должно быть преодолено само падшее состояние человечества. Бог не оставляет людей, которые уже не

могут находиться в Эдеме: "потерянный рай" не становится навсегда потерянным, так как людям сразу же дается обетование о будущем Спасителе, о том, что Семя жены сотрет главу змия (Быт. 3:15).

Можно соглашаться или не соглашаться с библейской интерпретацией человеческой истории и смысла взаимоотношений между мужчиной и женщиной, но факт остается фактом: известное нам древнее традиционное общество - это общество патриархальное, в котором царит женское бесправие...

ЦАРСТВО МУЖЧИН

В древние времена женское начало в большинстве культур считалось началом темным, губительным, искушающим. Напомню, что слово "искушение" звучит усладительно лишь для современного человека, задавленного тяжестью рекламных роликов на темы "искушение вкусом", "секрет обольщения" и т. д. Для большинства традиционных культур искушение - это когда плохо, это то, что сбивает с истинного пути.

В древнем мире женщина - всегда источник соблазнов. Японская пословица гласит: "Красавица - это меч, разрубающий жизнь". Этой мысли вторит древнееврейский мудрец Екклесиаст: И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она - сеть, и сердце ее - силки, руки ее - оковы (Екк. 7:26).

В ветхозаветном обществе, описывающем состояние человека после грехопадения, положение женщины изображается как двойственное. С одной стороны, женщина находится на "вторых ролях". Она практически исключена из общественной жизни и во всем подчинена мужчине. В вопросах взаимоотношений с мужчинами ей, как правило, отводится роль пассивной стороны. Эта традиция сохраняется и в средневековом иудаизме. [В ортодоксальном иудаизме такое положение вещей строго сохраняется и до сих пор. В частности, буквальное прочтение стиха из Второзакония (24:1) "Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего" заставляет мужа или его представителя подписывать документ о разводе ("гет"). Современная практика приводит иногда к тому, что мужья начинают шантажировать своих жен, так как не получившая "гет" женщина (даже если состоялась процедура гражданского развода) не считается разведенной, а если она вступает в новый брак, то считается прелюбодейкой, а дети от второго брака - незаконнорожденными. При этом мужчина, не давший первой жене гет, вполне может вступать во второй брак, так как Тора разрешает полигамию. (Телушкин Й. Еврейский мир. М., 1997. С. 523.)] Так, например, если женщина в традиционных утренних молитвах должна возносить хвалу Господу за то, что Он создал ее по Своей воле, то мужчина за то, что Бог не создал его женщиной. С другой стороны, большим уважением пользуется женщина-мать (супруга, сестра) как хранительница очага и воспитательница детей. Правда, исполнение этих функций не вменяется в заслугу, а является обязанностью. Женщина обречена страдать, в муках производя на свет детей (Быт. 3:16), но в этом же (деторождении) полагается и ее спасение, и спасение всего человечества, так как семя жены поразит главу змея.

Именно поэтому рождение и воспитание детей является принципиально важным и значимым для женщины. В деторождении Ветхий Завет усматривает не столько биологическую функцию продления рода, сколько религиозную, спасительную функцию: от нее может произойти на свет Мессия, который восстановит райское состояние человека. Такая функция женщины, естественно, определяет во многом и отношение к ней.

Конечно, несмотря на столько высокое понимание предназначения женщины в ветхозаветной

традиции, было бы неверно говорить о равноправном положении полов. Однако в других древних культурах, основанием которых стала не монотеистическая традиция иудаизма, положение женщины еще более бесправно. [В некотором роде исключением может служить древнеегипетская культура с ее почтительным отношением к женщине.]

На Древнем Востоке от женщины требовалось абсолютное послушание мужу во всем. Семейные законы были суровы: непокорную жену супруг мог наказать, и наказать довольно жестоко. Согласно одному древнеассирийскому закону, муж имел право за непослушание, лень или отказ от исполнения супружеских обязанностей избить жену, остричь ее, отрезать ей уши, нос, выжечь на лбу рабское клеймо или выгнать из дома. При этом, что бы ни совершил мужчина, никто не мог привлечь его к ответственности, тогда как он мог все. Например, имел право вернуть бежавшую от его жестокости в родительский дом жену, если она пробыла там более четырех дней. При этом мог еще и подвергнуть ее унижительному испытанию: заставить доказывать, что за время своего отсутствия она не спала ни с одним мужчиной. Способ для этого избирался весьма оригинальный: "Такую жену надлежит связать и бросить в воду; если она выберется благополучно, значит, она невиновна, и муж должен оплатить судебные издержки". [Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 179-180.] Ну, а если нет... Любое подобное "доказательство" измены означало для женщины неминуемую смерть.

О каких-то иных правах женщины говорить вовсе не приходится. Согласно законам вавилонского царя Хаммурапи (1792-1750 гг. до Р.Х.), мужчина имел неограниченную власть над членами своей семьи. Несмотря на то, что какие-то права у женщины были, по большому счету она являлась собственностью мужа. Хотя и жена и муж имели право на развод, у мужа эти права были несравнимо шире, а жена обязана была хранить верность супругу и после смерти последнего. Даже овдовев, она не могла заключать договоров, вести денежные дела, ставить свою подпись - все делалось только через опекуна. К людям ("авилумам") [Акадский термин "авилум" переводится на русский как "человек" или "полноправный человек". Второе значение термина - высшее сословие, состоявшее из членов "общин", имевших права на участки земли. Наряду с "авилумами" существовали сословия "мушкенумов" (люди, не имевшие земельной собственности и не бывшие членами общины) и "вардумов" ("рабов", лиц, имевших хозяев, которые могли распоряжаться их временем, трудом и, видимо, даже жизнью). (Законы Хаммурапи. Текст и комментарии. Электронная библиотека исторического факультета МГУ.)] приравнивались только женщины-жрицы, которые, однако, были строго исключены из семейных отношений. [Законы Хаммурапи. Текст и комментарии. Электронная библиотека исторического факультета МГУ.]

В отличие от иудейской традиции, во многих других древних культурах мы не видим столь глубокого почитания брака, почитания, коренящегося в религиозных смыслах. Многие культуры к браку относятся с откровенным презрением. Сегодня модно говорить об общечеловеческих ценностях, подразумевая под ними некие универсалии, естественным образом присущие всем людям и мало зависящие от культуры. Однако изучение прошлого показывает, что то, что сейчас именуется "ценностями для всех" родилось именно под воздействием иудео-христианской традиции. И если для ветхозаветных иудеев появление потомства имеет в том числе (или даже в первую очередь) религиозный смысл и значение, а традиция безбрачия в древнееврейской культуре не получила широкого распространения, то, согласно тем же законам Хаммурапи, посвященные богу жрицы вообще не имели права вступать в связь с мужчинами. Новозаветное переосмысление человеческого предназначения внесет свои коррективы в понимание брака и безбрачия. Однако принципиальным отличием христианского монашества является не презрение к брачным отношениям, [Христианству вообще не свойственно презрение к какому-либо творению или установленным в обществе отношениям. Христианский аскетизм есть всегда средство, а не цель. Скажем, христианское

понимание поста не есть отвержение определенной пищи и не имеет никакого отношения к идеологии вегетарианства.] а стремление к исключительно духовной жизни и единению со Христом. Сами взаимоотношения Господа с Церковью осмысляются в христианстве в брачных терминах, а святой Иоанн Златоуст (IV век) настаивает на коренном отличии христианского целомудрия от языческого воздержания. В книге "О девстве" он отмечает два основных различия христианского и языческого безбрачия: девство ради Христа, ради полного посвящения личности Христу и отсутствие презрения к браку. Безбрачие получает свое обоснование только в новозаветном сознании, для которого нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал. 3:28). Эта тайна открыта только благодатью Христа и возможна только во Христе, поэтому ее не знает ни ветхозаветный закон, ни языческая нравственность. И поэтому же: "Подлинно, целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость" [Св. Иоанн Златоуст. О девстве //Св. Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений в 12-ти тт. Т.1. Кн.1. М., 1991. С. 299.], поскольку зачастую одной из главных причин целибата является презрение к браку и брачным отношениям.

Итак, языческие культуры смотрят на брак по-иному. И здесь религия определяет культуру, определяет ценности и положение женщины. Кому-то может показаться странным, однако ни Древняя Греция, ни Древний Рим не были исключением в плане отношения к женщине. В Греции женщина практически не участвовала в общественной жизни. В греческих полисах (городах-государствах) женщины никогда не имели гражданства (т. е. фактически приравнивались к рабам), не обладали властью распоряжаться имуществом (исключением была Спарта), целиком находясь под опекой мужчин. Опекуном до замужества являлся отец либо ближайший родственник-мужчина, после замужества вся власть переходила к законному супругу.

Конечно, образ женщины в эпоху античности будет неполным, если ограничиться описанием женского социального бесправия и мужского произвола. Древние памятники искусства и литературы свидетельствуют о том, что античный идеал красоты нашел свое отображение в том числе и в женских скульптурах, изображавших красоту и совершенство женского тела. Греки считали, что женщины способны вдохновлять мужчин, влиять на мужское поведение. Правда, большей частью это относилось к гетерам, "спутницам", которые специально привозились из других краев для увеселительных приемов греческих мужчин, чьи жены не имели возможности разделить мужское веселье. Кстати сказать, супружеская измена и в Древнем Риме каралась смертью. Естественно, если изменяла женщина. [Понятие мужской измены юридически закрепляется лишь во II веке по Р.Х., при императоре Антонине. (См.: Буассье Г. Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1914. С. 549)]

Аристотель утверждает неравенство полов, замечает, что причиной этого является качественная разница между полами, которая предполагает большую значимость мужчины, чем женщины : "...есть ли у них (женщин - В.Л.) добродетели, должна ли женщина быть скромной, мужественной и справедливой?.. И если обоим этим существам должно быть свойственно совершенство, то почему одно из них предназначено раз и навсегда властвовать, а другое - быть в подчинении? И это отличие не может основываться на большей или меньшей степени совершенства, присущего тому и другому существу, так как сами понятия "быть в подчинении" и "властвовать" отличаются одно от другого в качественном, а не количественном отношении". [Аристотель. Политика. Книга первая //Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., Мысль, 1984. С. 399.] Иными словами, мужчина не просто сильнее, умнее и т.д., он качественно лучше, поэтому его природа а priori предназначена для того, чтобы властвовать, тогда как природа женщины побуждает ее подчиняться. В заключении данного

сравнительного анализа Аристотель цитирует трагика Софокла: "И например, слова поэта о женщине: "Убором женщине молчание служит" - в одинаковой степени должны быть приложимы ко всем женщинам вообще, но к мужчине они уже не подходят"... [Аристотель. Указ. соч. С. 400.]

Такое отношение к женщине, а также постоянное пребывание мужчин в исключительно мужском обществе породило еще одну особенность греческой культуры - широко распространившийся гомосексуализм, высокая степень развития которого несколько непривычна даже в наше время. Подлинной, действительно благородной любовью греки считали лишь любовь мужчины к мужчине. О ней писали греческие авторы, ее воспевали греческие поэты. Женщина же предназначена лишь для рождения детей и ухода за мужчиной, но никак не для любви. Поэтической, высокой, красивой может быть лишь мужская любовь. Чтобы убедиться в том, что греки действительно так считали, достаточно прочесть диалог Платона "Пир". "Я, - говорит один из участников диалога, Федр, - по крайней мере, не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного - чем достойный возлюбленный". [Платон. Пир //Платон. СС в 4 тт. Т.2. М., Мысль, 1993. С. 87.] Другой участник диалога. Павсаний, разделяя отделяя "Афродиту пошлую" от "Афродиты небесной" заявляет следующее: "...Эрот Афродиты пошлой поистине пошел и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем мужчин... Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом". [Платон. Указ. соч. С. 90.] Итак, любовь к женщине пошла, такое чувство могут испытывать лишь люди ничтожные, считали греки.

Греческий гомосексуализм был важной составной частью всей греческой культуры, в особенности - греческого воспитания. Считалась вполне нормальной "любовь" между взрослым мужчиной и юношей 15-18 лет: именно в таких отношениях молодой человек получал воспитание, а педофелия рассматривалась как самая совершенная, самая прекрасная форма образования. [Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С.56.] Сегодня для большинства из нас все это звучит дико, хотя мы редко задумываемся о том, что наше отношение есть следствие проникновения христианских ценностей в культуру. Будучи глубоко семейной религией, христианство сформировало новые семейные ценности. А правильнее сказать, семейные ценности как таковые, ведь в эллинской культуре все обстояло совсем не так просто: женщина, в силу своего бесправного положения теряла власть над ребенком после того, как ему исполнялось 7 лет, отец всегда был занят более важными делами, чем возня с детьми, школа (образование), традиционно воспринимающаяся сегодня как второй после семьи образовательный элемент, для греков таковой не являлась.

В античной культуре не было даже оснований для будущего изменения положения, так как время греки и римляне представляли себе замкнутым на цикл, все повторялось, изменения не приветствовались. Необходима была "культурная революция" для того, чтобы не только мужчина, но и женщина смогла бы взглянуть на себя как на человека. Таким образом, красивая легенда Платона об андрогине (двуполом существе, которое когда-то разделили на две половинки) не могла реализоваться: половинки не могли соединиться. Тайна пола оставалась нераскрытой...

"А ЖЕНА ДА УБОИТСЯ МУЖА!"

Христианство, явившись вызовом всей римской культуре, не могло не затронуть и взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Конечно, евангельская проповедь не была направлена на подрыв социально-политического порядка и не задавалась целью изменить отношения между полами, и все же христианство радикально утверждало новые принципы

взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Прежде всего, христианство предложило принципиально новую оценку человека, актуализировав идею творения "по образу и подобию". Новое учение утверждало, что (позволю себе процитировать еще раз) "нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" (Гал. 3:28) Принципиально важно понять, что в этом отрицании нет ни малейшего презрения к полу или браку (о чем уже говорилось выше), но утверждается, напротив, равенство полов перед Богом, ценность личности, а не мужского или женского *per se*. Конечно, равенство ценностное не означает равенства функционального, не стирает разницу - и это важно осознавать и чувствовать, иначе христианские установки могут быть при желании легко истолкованы в духе "воинствующего феминизма".

Христианство впервые посмотрело на женщину как на человека, увидело в ней самостоятельную цельную личность, неравную мужчине, но и не менее ценную для Бога, чем он. В христианстве женщина перестала быть чем-то нечистым, злым, перестала быть вещью и собственностью мужа, перестала, наконец, быть только матерью или женой. В этих словах нет никакой христианской пропаганды. Ярый противник христиан Цельс (II в. по Р.Х.) в своем "Правдивом слове" ("Alethes Logos"), вступая в полемику с христианским учением, которое он обвинял в нравственной и интеллектуальной деградации, недоумевал, как же христиане могут верить, что Бог ниспослёт на землю Дух, вселив Его в "нечистое" тело женщины. [См.: Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире. М., Нака, 1995. С.156.]

Евангельская история, вся история раннего христианства свидетельствуют об отличном от цельсова (т.е. от языческого как такового) отношении к женщине. Так, Христос беседовал и общался как с мужчинами, так и с женщинами. Именно женщины сопровождали Христа на Голгофу в то время, когда ученики оставили Его. Именно женщинам первым явился Христос. Этих женщин, шедших ко гробу Христа с драгоценным миром, чтобы умастить тело по древнему обычаю (этого не сделали сразу после распятия, так как начиналась суббота, нарушать которую было нельзя по ветхозаветному обычаю), христианская Церковь до сих пор чтит, прославляя в неделю жен-мироносиц (вторая неделя после Пасхи). Апостол Павел, несмотря на то, что в его словах проскальзывает иногда фарисейское воспитание, часто обращается в посланиях к женщинам, приветствуя их как своих сотрудниц. По мнению авторитетного церковного историка М.Э.Поснова, слова апостола Павла "Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа?" (1 Кор. 9:5) означают то, что жены апостолов, по всей видимости, сопровождали их в миссионерских путешествиях. [Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей - 1054 г.). Брюссель, 1994. С.83.]

Конечно, пройдут века, прежде чем христианское понимание сформирует соответствующую культуру (и сформирует ли до конца?). Еще в самом Новом Завете видно, что подобного понимания пока нет. В рассказе о чудесном насыщении огромного числа людей пятью хлебами и двумя рыбами говорится: "А евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей" (Мф. 14:21). В другом евангельском эпизоде видим, как удивлены апостолы, когда Христос беседует с женщиной-самарянкой (иудеи в принципе не общались с самарянами, поэтому поступок Христа для учеников непонятен вдвойне): "В это время пришли ученики Его и удивились, что Он разговаривал с женщиною". (Ин. 4:27)

Данные примеры можно было бы продолжить, однако все они свидетельствуют об одном: вышеописанные картины женского бесправия в древнем мире кажутся нам сегодня ужасными и несправедливыми только благодаря произошедшей две тысячи лет назад "христианской

революции".

Именно в христианской культуре утвердился моногамный брак. Именно христианство впервые в человеческой истории провозгласило, что супружеская измена мужчины настолько же недопустима, насколько недопустима измена женщины.

Вообще христианство возносит брак на недостижимую дотле высоту: венчание именуется таинством, а любовь супругов сравнивается с любовью Бога и человека. Кстати сказать, понимание любви в христианстве очень сильно отличается от понимания любви в язычестве. В античной греческой литературе понятие любовь чаще всего выражается словом "эрос". Эрос - это всегда страстная любовь; любовь, приносящая одновременно наслаждение и страдание. Эрос - это желание заполучить другого, это любовь для себя. Интересно, что в евангельских текстах слово "эрос" не встречается. Вместо него евангелисты используют слово "агапе". Агапе, в отличие от эроса, есть любовь дарующая, а не вожделеющая. Любовь для другого, а не для себя. [См.: Вардиман Е. Указ. соч. С. 105.]

В средние века, когда на смену языческой культуре приходит культура христианская, семья становится не просто "ячейкой общества", но таинством, в которое вступают два христианина, заявляя о совместном решении перед своей общиной. По христианскому учению, семья есть малая церковь. А церковь не может созидаться "на время" - она создается навсегда, скрепляемая любовью, которая не ищет лишь своей выгоды и удобств. Кстати сказать, венцы, которые во время венчания в Православной Церкви надевают на жениха и невесту, это не царские, как думают многие, а мученические венцы. Конечно, не в том смысле, что брак - это сплошное мучение, нет. Имеется в виду другое: по толкованию одного христианского святого, муж не должен останавливаться ни перед какими страданиями, даже смертью, если они нужны для блага жены. Венчающиеся здесь уподобляются раннехристианским мученикам, которые страдали за Христа...

Что же касается известной фразы апостола Павла жена да боится своего мужа (Еф. 5:33), то, по мнению большинства православных богословов, она не означает, что жена должна испытывать страх и трепет перед грозным супругом, а лишь то, что она должна бояться оскорбить мужа, бояться стать поруганием его чести. Это не животный страх от ненависти и ужаса, а страх охранительный, проистекающий из любви. Так дети боятся обидеть родителей, боятся причинить им боль...

Кроме того, не стоит забывать и о тех словах, с которыми в этом же отрывке апостол обращается к мужу: Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя (Еф. 5:25, 33)

Новозаветное переосмысление человека отнюдь не отменяет и многих ветхозаветных смыслов. Материнство в христианстве пользуется таким же почтением и уважением, как и в древние времена. Более того, сбывается обетование, данное первым людям: от женщины рождается Иисус Христос - Спаситель мира, Богочеловек, Который Своей крестной смертью уничтожает последствия первородного греха: уничтожает смерть и освобождает человека от рабской зависимости греху.

TEMPORA MUTANTUR... (Времена меняются)

Несмотря на серьезность изменений, привнесенных в культуру христианством, наивно было бы утверждать, что в христианском обществе сразу покончили с женским бесправием. Еще долгие столетия женщина не принимала никакого участия в общественно-политической и

интеллектуальной жизни. Справедливости ради надо отметить и то, что это положение все же не было результатом "украденных женских прав", а, напротив, медленно готовило почву для будущей эмансипации.

Парадоксально, но борьба за освобождение женщины, ставшее в западной культуре возможным, главным образом, благодаря христианским ценностям, довольно легко эти ценности игнорировала. Вероятно, здесь мы сталкиваемся с базовым парадоксом или, если угодно, антиномией христианской культуры: стремлением полностью христианизировать мир и его (этого стремления) принципиальной невозможностью. Поэтому излишнее рвение в любой области христианизации культуры нередко имело весьма антихристианские последствия. [Это видно и в области государственного устройства, и в области искусства и т.д. Коренная ошибка, на мой взгляд, кроется здесь в стремлении догматизировать культурное развитие, тогда как собственно догматы о культуре мало чего говорят. Догматические истины касаются прежде всего спасения человека, которое находится за рамками культуры.] Это ни в коей мере не означает, что христианин не должен стараться воздействовать на культурную жизнь, наоборот. Однако при этом всегда важно помнить о "ревности не по разуму".

Если говорить об эпохе средневековья, то первое, что приходит на ум, это, конечно же, рыцарская культура с ее почитанием Прекрасной Дамы, в основании которого - культ Богородицы. Однако двойственность самого феномена рыцарства (с одной стороны, внешнее ритуальное уподобление монашеству (посвящение, лишение сана и т.д.), с другой - появление нецерковного, светского элемента культуры) проявляется и здесь: наряду с экзальтированным почитанием абстрактной прекрасной дамы (Дон Кихот в романе Сервантеса как-то абсолютно "по-рыцарски" замечает Санчо Пансе, что для него не важно, существует ли Дульсинея на самом деле) существует презрительное отношение к женщине-жене, сестре и даже матери... ["О женщина! Велика вера твоя". СПб, 2000. С. 75.]

Согласно мнению большинства ученых, первые ростки эмансипации проявились еще в эпоху эллинизма, однако тогда им не дано было развиваться. Всерьез же против положения женщины "босой, беременной и на кухне" начинает восставать лишь сознание европейца конца XVIII - начала XIX века. Хотя существенно и в это время ничего не меняется. [По справедливому замечанию П.Евдокимова, "то, что Екатерина Великая занимала императорский престол в России, а великосветская дама княгиня Дашкова председательствовала в Академии наук в Петербурге, никак не изменяло конкретного положения женщины" (Евдокимов П. Указ. соч. С.171)] Знаменитый кодекс Наполеона выдержан вполне в патриархальном духе: текст кодекса закрепляет верховную власть мужа в семье, в суде не могут быть рассмотрены показания жены в качестве свидетельских, проституция оправдывается как способ сохранения единобрачия и т. д. [Евдокимов П. Указ. соч. С. 16]

И все же первые ростки эмансипации прорвались сквозь толщу патриархальных устоев и дали обильные плоды. С одной стороны, получив абсолютно равные с мужчинами права и возможности (за что, собственно, и боролись первые эмансипаторы), феминистки не остановились на достигнутом. Сегодня они выдвигают требования, повергающие в шок даже видавших виды борцов (т.е. "борчих" - простите за новояз - еще один результат патриархальности культуры: многие слова, в том числе слово "человек", мужского рода) за женские права, а в бесправном положении часто оказываются уже мужчины, каждый неосторожный взгляд которых может быть истолкован как посягательство на женскую честь. Да и вообще, по мнению таких феминисток, современные мужчины должны постоянно испытывать комплекс вины за разгильдяйство своих предков. Может, это где-то и справедливо, но равенства опять не получается. С другой стороны, в борьбе за равенство женщина зачастую не только приобретает новые права, но и теряет прежнее обаяние, превращаясь в нелепое подобие мужчины.

По подсчетам специалистов, американский феминизм представлен сегодня уже "четвертой волной". Радикализм современных адептов этого движения мало соприкасается с позицией родоначальниц феминизма, который, напомним, начинался как борьба женщин за равные с мужчинами социально-политические и экономические права. К примеру, сегодня во многих американских вузах созданы особые службы защиты прав женщин от сексуальных домогательств мужчин. Это означает, в частности, и то, что теперь любая студентка, которой показалось, что какой-нибудь студент или преподаватель косо (в смысле, с вожделением) на нее посмотрел, может обратиться за помощью в такой комитет защиты прав и тогда незадачливому сладострастнику не поздоровится. К счастью, среди американок все же преобладают здравомыслящие особы, которые отнюдь не стремятся в каждом мужском взгляде видеть взор насильника. Но сама формулировка женских прав зачастую звучит совершенно абсурдно.

Большинство современных мужчин с трудом расстается с образом женщины-супруги, жены-хранительницы семейного очага. В этой мужской горечи есть своя правда: процесс женской эмансипации пошел таким образом, что социально-экономическое освобождение женщины нередко приводило к появлению "новых женщин", лишенных привычного женского обаяния. Именно на это жаловался русский мыслитель Николай Бердяев в своей работе "Метафизика пола и любви". Соглашаясь с тем, что женщина должна быть экономически независима от мужчины, должна иметь свободный доступ ко всем благам культуры, а также иметь право восставать против "рабства семьи", философ замечал, что все это само по себе не решает проблемы. Более того, женской эмансипации, согласно Бердяеву, помимо позитива, присуща и ложная тенденция, которая разрушает прекрасные мечты и "мистические грезы".

На смену крайностям древнего мира, обрекавшего женщину на бесправное существование, пришли крайности феминизма, заразившего женщину стремлением обязательно быть "не хуже" мужчины во всем: одежде, спорте, профессии и т.д. И если во многом такое стремление справедливо и оправдано, то, доведенное до крайности, оно становится абсурдным отрицанием половых различий и, на самом деле, мешает, а не помогает женщине полноценно развиваться как личности. Античная модель гласила: женщина - не человек или второсортный человек, существо между мужчиной и рабом. Христианство провозгласило равноценность личностей мужского и женского пола, подчеркнув их различия, которые не могут быть предметом оценки (лучше - хуже), а требуют каждое своего развития. Такой подход не ограничивает женское присутствие на профессиональной сцене, но и не снимает большей ответственности мужчины за семью, семейный мир и спокойствие, не снимает с него обязанности защищать свою спутницу, беречь ее, помогать ей в ее начинаниях и трудах. Современная же эмансипированная модель рисует женщину мужеподобным существом, стремящимся окончательно освободиться от диктата мужчины (где он, этот диктат?). В рамках такой модели (если довести ее до логического конца) невозможно функционирование нормальной семьи, так как "равноправие" феминистского толка неизбежно превращается в "равнобезответственность" обеих сторон, т.к. на равноправии невозможно построить семейные отношения, которые требуют любви, заботы и ответственности. Современный мужчина, кстати сказать, "феминизирован" не меньше, чем женщина: он тоже чувствует себя свободным от ответственности, от женщины, от любви. Только вот зачем она нужна, такая свобода?

В итоге же, современный феминизм парадоксальным образом приводит к полной и окончательной победе именно патриархального взгляда на жизнь: современная женщина стремится не столько к признанию равной важности мужского и женского, исходящему из фундаментальных, но одинаково важных для жизни человека и общества различий между полами, сколько к признанию полного равенства и равноценности в выполнении традиционных мужских функций, к тому, что критериями современной женственности становятся успех в

бизнесе, победа в олимпийских играх, головокружительная карьера в правительстве, а такое занятие, как материнство, становится просто стыдным, если оно не подкреплено всеми вышеуказанными успехами. Вполне очевидно, что подобная переоценка ценностей не может не сказаться на взаимоотношениях мужчины и женщины, на семье, на воспитании детей. И дело не в том, чтобы общество вернулось к принципу: "дело женщины - вязание", но в том, в конце концов, чтобы в семье, независимо от того, кто из родителей сколько и где работает и сколько получает, ребенок мог бы рассчитывать на настоящую материнскую заботу и отцовское внимание.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Подчеркнуто-уважительное, почтительное отношение к женщине в христианстве имеет мало общего с современным феминизмом, пытающимся, как мне кажется, сознательно или бессознательно, но стереть естественные различия между мужчиной и женщиной. Прошу заметить, что слово "естественные" я употребляю в христианском контексте, т.е. нормальные, такие, которые были сотворены Богом. А это значит, что в человеке существует иерархия: дух-душа-тело. Естественным, гармоничным является именно иерархическое устройство человеческой личности, когда идеально-духовная сторона определяет душевное и физическое существование, а не наоборот. Понимание того, на чем основано христианское мировоззрение поясняет разницу между христианским и современным секулярным подходом: если в светском мире словосочетание "материнский инстинкт" в равной степени применимо и для людей, и для животных, то в мире христианской культуры именно духовное устройство женщины, идеальный замысел Творца о ней, определяет и ее моральные материнские качества, и принципиальную физическую способность к деторождению.

Именно в этой плоскости, как мне кажется, и лежит решение "женского вопроса": или мы исходим только из того, что "времена меняются и мы меняемся вместе с ними", и, соответственно, не может быть никаких ценностей и ориентиров, данных раз и навсегда, либо признаем, что есть некий замысел о человеке, и он определяет качественные различия между мужчиной и женщиной. Если исходить из того, что "все относительно", то сразу исключается возможность однозначного, правильного ответа на поставленные в начале статьи вопросы. Если же верить, что мужчина и женщина созданы разными неслучайно, то можно оценивать происходящее как "правильное" или "неправильное". Очевидно, для современного сознания деление на "правильное" и "неправильное" нередко кажется отсталым, консервативным и т.д. Не менее очевидно и то, что существующая сегодня ситуация способна привести к распаду общества. Выбор, как всегда, остается за нами.